

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

С.В. Бурмагин*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

РАЗДЕЛЕНИЕ ОБВИНИТЕЛЬНОЙ И СУДЕБНОЙ ВЛАСТЕЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ: ОТ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 г. ДО НАШИХ ДНЕЙ

Аннотация: В статье освещается история решения в отечественном уголовном судопроизводстве концептуального вопроса о разделении обвинительной и судебной властей, размежевания властных полномочий между уголовным судом и органами уголовного преследования на различных этапах развития уголовного правосудия, начиная с судебной реформы 1864 г. Особое внимание обращено на функциональное отделение уголовного суда от стороны обвинения на основе состязательного построения судопроизводства по действующему УПК РФ. Отмечены причины, обуславливающие на практике отклонение судов от предписанного законом нейтрального поведения в споре сторон, и наметившиеся тенденции отхода российского правосудия от состязательных начал и втягивания уголовного суда в обвинительную деятельность. Критически анализируются постановление Конституционного Суда от 02.07.2013 г. и законодательные инициативы, направленные на восстановление института возвращения дела на дополнительное расследование и связанные с возложением на суд обязанности устанавливать «объективную истину» и устранять пробелы предварительного расследования. Исследование проведено на основе диалектического, исторического, сравнительно-правового и формально-юридического методов познания, позволивших выявить закономерности трансформации соотношения в уголовном судопроизводстве компетенций обвинительной и судебной властей и прийти к следующим выводам. Разграничение обвинительной и судебной властей есть проявление в уголовном судопроизводстве конституционного принципа разделения властей. Инициативное возвращение судом дела прокурору для усиления обвинения и возложение на суд обязанности восполнять в судебном заседании пробелы предварительного расследования нарушают разделение процессуальных функций между органом правосудия и обвинительной властью, приводят к смешению их компетенций. Предлагаемые изменения в УПК противоречат состязательным началам уголовного правосудия и возвращают его в рамки розыскного уголовного процесса.

Ключевые слова: справедливость уголовного правосудия, беспристрастность суда, независимость суда, возвращение дел прокурору, процессуальные функции, уголовный суд, обвинительная власть, уголовное судопроизводство, разделение властей, состязательность судопроизводства.
DOI: 10.7256/1994-1471.2014.5.11330

© Бурмагин Сергей Викторович

* Кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
[s.burmagin@narfu.ru]
163002, Россия, г. Архангельск, пр. Ломоносова, д.58.

Материалы международной научно-практической Конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

Суд в уголовном судопроизводстве (уголовный суд) всегда выполняет особую роль органа правосудия, призванного разрешить уголовно-правовой конфликт и применить меру уголовной ответственности к лицу, совершившему преступное деяние, либо ограничить от уголовной репрессии невиновного. Судебная деятельность занимает наибольшую часть уголовно-процессуальной деятельности, охватывает собой кульминацию процесса – признание виновности или невиновности, а итоговые решения уголовного суда венчают производство по уголовному делу. В этой связи вполне очевидны причины, по которым в процессе реформирования уголовного судопроизводства правовому (процессуальному) положению уголовного суда, его задачам, функциям и полномочиям уделяется особое внимание, а принципы осуществления уголовного правосудия каждый раз становятся ключевыми вопросами правовых (судебных) реформ. Так было при подготовке Судебной реформы 1864 г., подобное наблюдаем и в процессе современной российской судебной реформы, начавшейся в 1990-х гг.

Великая реформа суда 1864 г. имела целью «водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех ... возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность» (Указ Правительствующему Сенату от 20 ноября 1864 г.¹). Эти устремления были обусловлены глубокими социально-экономическими и политическими преобразованиями, проводившимися в эпоху Александра II, и имели серьезные основания. Широко известно, что российское дореформенное правосудие имело массу системных пороков (повсеместная волокита, нескончаемое бумаготворчество, бюрократизм и канцелярщина, закрытость производства и подверженность влиянию со стороны административной власти и сильных мира сего, взяточничество, произвол судебных чиновников и торжество «неправды черной»), которые достаточно проанализированы в юридической печати² и ярко представлены в художественной литературе (Н. В. Гоголь, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. В. Сухово-Кобылин, И. С. Аксаков и др.). Хорошо знакомы они были и зачинателям судебной реформы. В целом сущность реформы заключалась в полном от-

делении судебной власти от власти исполнительной и законодательной; в установлении единого бессловного суда; в ограничении количества инстанций; в ведении в правосудие народного элемента; в учреждении института выборных мировых судей; в замене розыскного порядка процесса порядком состязательным, возлагающим функцию обвинения на органы прокуратуры, а функцию защиты – на «сословие присяжных поверенных» (адвокатуру); в отмене формальной системы доказательств; в установлении гласности, устности и непосредственности судебного процесса³.

Существенными изъянами в устройстве и деятельности судебных органов в дореформенный период представлялись: зависимость суда от административных (исполнительных) органов, отсутствие у него самостоятельности, смешение в деятельности уголовного суда процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела и, как следствие, утрата в большинстве случаев беспристрастности – качества, жизненно необходимого для «суда правого». Известный русский процессуалист М. В. Духовской обосновывал целесообразность отмежевания судебной власти следующим образом: «К отделению администрации от суда побуждает не одно удобство разделения труда, но также и необходимость разъединения властей административной и судебной, для взаимного ограничения одной из них другой. Администрация требует от управляемых исполнения закона и предупреждает нарушение законного порядка, а суд восстанавливает порядок уже нарушенный и определяет последствия сего нарушения. Если одна и та же часть будет представлять требование, и сама же обсуждать последствия его невыполнения, то, очевидно, что обвиняемые не могут иметь никаких ограждений от неправильного преследования их. Решения административных властей по делам судебным всегда внушают к себе недоверие, и всякое наказание, назначенное без суда, представляется произволом власти, возбуждающим ропот»⁴.

Поэтому вполне закономерно в основу реформирования «судебных мест» было положено известное разделение властей. Этот принцип нашел отражение и в процессуальном законодательстве, в частности, в ст. 1 Основ-

¹ Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть первая. СПб.: Издание Государственной Канцелярии, 1866. – С. XXXIX – XXXX.

² См., например: Джаншиев Г. А. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда). Историко-юридические этюды. М.: Типография М. П. Щепкина, 1891. – С. 1–26.

³ См.: Гессен И. В. Судебная реформа. СПб.: Книгоиздательство П. П. Гершунина и К^о, 1905. – С. 50–76; Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. – Петроград: Издание Юридического книжного склада «ПРАВО», 1916. – С. 63.

⁴ Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М.: Склад издания в книжном складе М. В. Клюкина, 1910. – С. 30.

ных положений уголовного судопроизводства 1862 г.⁵ и статьях 1 и 14 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.⁶ (далее – УУС). В них утверждалось, что никто не может подлежать судебному преследованию за преступление или проступок, не будучи привлечен к ответственности в порядке, определенном правилами УУС, и «никто не может быть наказан за преступления или проступки, подлежащие ведомству судебных мест, не быв присужден наказанию приговором надлежащего суда, вошедшим в законную силу». В данных нормах речь идет о разграничении компетенции административных органов и судов, наделенных властными полномочиями по ведению производства по уголовным делам. Согласно этим предписаниям администрация в лице полиции и прокуратуры не вправе разрешать дело и наказывать виновного, а суд не вправе рассматривать вопрос о виновности лица, который привлечен не в установленном УСС порядке, т.е. минуя органы уголовного преследования.

Такое разграничение компетенций есть проявление общеправового принципа разделения властей, обретшего в уголовном судопроизводстве свое особое содержание. В условиях замены следственно-розыскного порядка ведения уголовных дел на состязательное судебное производство принцип разделения властей реализовался в уголовном процессе в разграничении обвинительной и судебной властей, а позже трансформировался в принцип разделения процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела. Основные положения уголовного судопроизводства 1862 г. прямо указывали, что власть обвинительная, под которой подразумевается обнаружение преступлений и преследование виновных, отделяется от судебной (ст.3) и возлагается на прокурора (ст.4), а судебная власть – рассмотрение уголовных дел и постановление приговоров – принадлежит судам без всякого участия властей административных (ст.5). УСС хотя и не провозглашал столь явно (в специальных формулировках) отделение судебной власти от власти обвинительной, но воплотил данное начало в конкретных нормах, регулирующих полномочия полиции, прокурора и суда. Так, было установлено, что судебное преследование возбуждается должностными лицами (но не судом) и частными лицами (ст. 2 УСС), что по уголовным делам, подведомственным мировым судебным

установлениям, обличение обвиняемых перед судом возлагается на потерпевших от преступлений частных лиц, а также полицейских и другие административные власти, а по делам, подведомственным общим судебным установлениям, – на прокуроров и их товарищей (статьи 3 –5 УУС). Прокуроры и их товарищи не имели полномочий производить следственные действия, которые находились в компетенции судебных следователей (ст.278 УУС), но были вправе контролировать их проведение и требовать дополнения предварительного следствия по сделанным им указаниям, хотя бы судебный следователь и признал следствие оконченным (ст.286 УУС). Обвинительный акт, содержащий формулировку обвинения (описание вмененного деяния и его юридическую квалификацию) и являющийся основанием предания обвиняемого суду, составлялся (выносился) прокурором (статьи 519–520 УУС). Прокурор не вправе был своей властью прекратить или приостановить следствие по делу, и по его окончании мог лишь дать заключение о прекращении дела (ст.518 УУС), решение же по данному вопросу принимал суд (судебная палата). Судебное разбирательство приобрело значение основной стадии процесса, и соответственно значительно повысился процессуальный статус суда, который занял среди других властных субъектов центральное место и стал выполнять в процессе главенствующую роль с зачатками судебного контроля над деятельностью следователя и полиции.

Начало современной судебной реформы также ознаменовалось констатацией глубокого кризиса российской юстиции и принятием в 1991 г. доктринально-программного документа – Концепции судебной реформы в РСФСР⁷. Российское общество вновь, как и в середине XIX века, столкнулось со схожими проблемами уголовного правосудия: зависимое положение суда и принижение его роли, превалирование публичных интересов над правами личности и низкий уровень защиты последних уголовно-процессуальными средствами, «обвинительный уклон» в деятельности суда, являющийся причиной массовых судебных ошибок, негуманность и репрессивность уголовной юстиции. Такое положение имело вполне определенные исторические предпосылки.

Предшествующий советский период истории отечественного уголовного судопроизводства был отмечен существенными и неоднократными изменениями правового положения

⁵ Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России : история, документы : В 6 т. Т. III. М.: Мысль, 2003. – С. 624–637.

⁶ Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т.8. Судебная реформа / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1991. – С. 120–251.

⁷ Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1435.

и роли уголовного суда, сопровождался отказом от теоретических концепций, разработанных в процессе и в развитие судебной реформы 1864 г., отходом от начал состязательности и функционального разделения властных полномочий государственных органов, осуществляющих производство по уголовным делам. В это период, за исключением непродолжительного действия УПК РСФСР 1922 и 1923 гг., уголовный процесс вновь строится на розыскных началах и приобретает в 1930–1950 гг. явно выраженный инквизиционный характер. Уголовный суд становится инструментом классовой борьбы и, являясь придатком партийно-государственного аппарата и находясь под полным его контролем, с легкостью выполняет заказ власти на ужесточение уголовной репрессии, обретая роль карательного органа. Ни о каком разделении процессуальных функций и противопоставлении суда органам уголовного преследования в сформировавшемся тоталитарном обществе не могло быть и речи – авторитарный режим не нуждается в независимом, беспристрастном и гуманном правосудии. Промежуточная реформа судостроительства и судопроизводства конца 1950-х – начала 1960-х гг. несколько смягчила и даже гуманизировала советский уголовный процесс, привнесла в стадию судебного разбирательства элементы состязательности, но сохранила фактический приоритет следственно-розыскной деятельности и зависимое положение суда, перед которым ставилась единая для всех органов правоохраны задача быстрого и полного раскрытия преступлений и избличения виновных (ст. 2 УПК РСФСР 1960 г.⁸).

Советская правовая доктрина, базировавшаяся на постулате единства советской (народной) власти и общности целей и задач всех партийно-властных структур, отвергала концепцию разделения властей и отводила суду роль одного из органов государственной власти по борьбе с преступностью, призванного на этом поприще действовать совместно с прокуратурой, органами внутренних дел и другими правоохранительными структурами государства и имеющего с ними единую цель – искоренение преступности. Именно такие общие задачи ставились перед судом как на уровне законодательства, так и партийными органами. На суд возлагались обязанности бороться с преступлениями, проявлять активность и инициативу в их обнаружении, устанавливать виновных, возбуждать уголовные дела, а в годы перестройки

судебные органы были включены в составы комитетов по борьбе с преступностью⁹.

В русле этих представлений о назначении судебных органов уголовный суд по закону был наделен рядом полномочий обвинительной власти: обязанностью возбуждать любые уголовные дела (ст. 3 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г.¹⁰, ст. 3 УПК РСФСР), обязанностью самостоятельно восполнять неполноту предварительного расследования (ст. 14 Основ, ст. 20 УПК РСФСР) либо направлять с этой целью дело на дополнительное расследование (ст. 232 УПК РСФСР), правом инициировать уголовное преследование подсудимого по новому обвинению, а равно в отношении нового лица, не привлеченного в качестве обвиняемого (ст. 232 УПК РСФСР), обязанностью продолжить судебное разбирательство при отказе прокурора от поддержания обвинения (ч. 4 ст. 248 УПК РСФСР), обязанностью выявлять причины и условия, способствующие совершению преступления (ст. 21 УПК РСФСР) и др. Кроме того, в силу положений ст. 14 Основ и ст. 20 УПК РСФСР суд наравне со следователем и прокурором нес ответственность за всестороннее и полное установление обстоятельств преступного деяния, выявление обстоятельств, уличающих обвиняемого и отягчающих его вину.

Между тем возложение на суд задач по борьбе с преступностью ставит под сомнение возможность осуществления независимого и беспристрастного правосудия. Как говорится в п. 4 раздела 2 Концепции судебной реформы в РСФСР, «не вызывает сомнений, что суд, стремясь изблечь преступника и привести в движение механизм уголовного преследования, теряет качество объективности, оказывается «в одной упряжке» с прокурором, следователем и органом дознания». Предостерегая от последствий привнесения в судебную деятельность элементов обвинительной функции, русский процессуалист И.В. Михайловский еще в начале прошлого столетия писал: «можно сказать, что в тот день, когда судьи принуждены были бы «оказывать содействие» власти в преследовании преступников, собирая ех officio доказательства виновности и привлекая к ответственности по собственной инициативе, одним административным органом было бы больше, но суд, как охранитель законности, как защитник прав всех и каждого,

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утв. Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592. (далее – УПК РСФСР).

⁹ См.: Стецовский Ю. И. Судебная власть: учебное пособие. М., 1999. С. 62–65.

¹⁰ Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 15 (далее – Основы).

как главный устой правопорядка, перестал бы существовать»¹¹. В современном понимании сущности судебной власти предназначение суда заключается в защите права в широком смысле этого понятия и в обеспечении режима правопорядка посредством правосудия, а не борьба с преступностью. Суд призван быть гарантом прав личности, а не выступать в качестве органа уголовной расправы. Идеал «суда правого» требует его изначально нейтрального положения в уголовно-правовом конфликте и не допускает совмещения деятельности по разрешению дела с несвойственными правосудию функциями. По убеждению В. М. Савицкого, «сама идея правосудия превращается в фикцию, когда закон возлагает на суд выполнение хотя бы некоторых, пусть даже второстепенных вроде бы технических обязанностей, связанных с осуществлением обвинения»¹².

Концепция судебной реформы в РСФСР, будучи нормативной программой перспективного законотворчества, в области уголовного судопроизводства предполагала построить уголовный процесс на началах подлинной состязательности с последовательным разделением и персонификацией функций обвинения, защиты и разрешения дела, обеспечением равноправия сторон и предоставлением им равных возможностей по воздействию на окончательное решение суда, а в числе ключевых решений судебной реформы наряду с ведением суда присяжных предлагала установить судебный контроль за законностью и обоснованностью производства на ранних стадиях процесса, всемерное развитие принципа состязательности в досудебном производстве и в судебном разбирательстве. Особые усилия законодатель предполагал направить на лишение правосудия обвинительных черт путем ликвидации таких «рудиментов обвинительной роли суда» как право возбуждать уголовные дела, обязанность суда направлять подсудимому копию обвинительного заключения, обязанность восполнять пробелы предварительного расследования за счет самостоятельного поиска доказательств, оглашение судом обвинительного заключения, право первого допроса подсудимого и сторон, обязанность продолжать процесс при отказе прокурора от обвинения, обязанность направлять уголовные дела на доследование при неполноте

расследования, право председателей вышестоящих судов приносить протесты против интесов осужденного по мотивам необоснованного оправдания, применения закона о менее тяжком преступлении, излишней мягкости назначенного наказания (п. 3 раздела 12 Концепции). Большинство из этих программных задач с различной степенью успешности решены.

Начатое еще в 1990-е гг. (особо активно после принятия Конституции РФ 1993 г.) реформирование уголовного судопроизводства Российской Федерации на основе внедрения состязательных начал, включая последовательное разделение процессуальных функций между сторонами и судом, нашло свое логическое продолжение в принятии Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 г.¹³ (далее – УПК). Действующий уголовно-процессуальный закон (ч.2 ст.15 УПК) прямо запрещает возложение на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо функций обвинения, защиты и разрешения дела, которые согласно принятой и воплощенной законодателем доктрины состязательного построения уголовного процесса подлежат отделению друг от друга. Особый акцент сделан на то, что суд не является органом уголовного преследования и не выступает на стороне обвинения (ч.2 ст.15 УПК). Согласно ст. 20 и 21 УПК органами публичного уголовного преследования являются прокурор, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, которые и образуют обвинительную власть. Данные нормативные установки в полной мере согласуются с основополагающим конституционным принципом государственного устройства – принципом разделения властей (ст.10 Конституции РФ), а также положениями ст.123 Конституции РФ об осуществлении судопроизводства на началах состязательности, что неоднократно подтверждалось решениями Конституционного Суда РФ.

В настоящее время, в соответствии с конституционными принципами состязательности судопроизводства и разделения властей, уголовный суд избавлен от многих, несвойственных органу правосудия обязанностей: возбуждать уголовные дела, направлять уголовные дела на доследование по причине неполноты расследования, продолжать процесс при отказе прокурора от обвинения и других обвинительных по своему характеру полномочий.

Таким образом, в современном уголовном судопроизводстве России на уровне правового регулирования достаточно последовательно решен вопрос об отделении судебной власти от обвинительной и размежевании их властных

¹¹ Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда :Уголовно-политическое исследование. Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1905. – С. 90.

¹² Савицкий В. М. Уголовный процесс России на новом витке демократизации // Государство и право. – 1994. – № 6. – С. 102.

¹³ Уголовно-процессуальный кодекс РФ: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ч. 1. – Ст. 4921.

полномочий. Исключение составляет, пожалуй, лишь право органов предварительного расследования и прокурора до направления дела в суд прекращать уголовное дело и (или) уголовное преследование, поскольку в этом усматривается функция правосудия. Понимание сущности прекращения уголовного дела несудебными органами как акта отказа от уголовного преследования, не затрагивающего прерогатив суда, верно лишь применительно к случаям прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования по реабилитирующим основаниям, т.е. ввиду отсутствия события или состава преступления, а также непричастности подозреваемого к совершению преступления. Постановление же органа обвинительной власти о прекращении уголовного преследования по не реабилитирующим основаниям, например, ввиду примирения сторон или в связи с деятельным раскаянием, хотя и не затрагивает большинства вопросов, относящихся к исключительной компетенции суда (назначение наказания, конфискация имущества, наложение имущественных взысканий в счет возмещения причиненного вреда, взыскание судебных издержек), но содержит в себе констатацию виновности лица в совершении конкретного преступления и юридическую оценку (квалификацию) совершенного деяния, которая, по сути, является окончательной. И хотя такое процессуальное решение в части признания виновности не имеет той общеобязательной силы и того преюдициального значения, какими обладает приговор суда, вполне определенные правовые последствия для статуса лица, в отношении которого оно вынесено, все же образует. Указанное отступление от строгого размежевания обвинительной и судебной властей (напомним, УСС его не допускал) объяснимо лишь стремлением к процессуальной экономии (современный тренд совершенствования правосудия) и недопущением вовлечения в производство по делу судебных органов, когда уголовно-правовой конфликт по сути себя исчерпал.

Так выглядит идеальная (нормативно-абстрактная) модель соприкосновения двух ветвей власти в состязательной конструкции уголовного процесса современной России. А как обстоят дела на практике? По прошествии более чем десятилетнего срока действий УПК все чаще утверждается, что состязательная конструкция судопроизводства плохо приживается на отечественной почве¹⁴ и даже чужда рос-

сийской действительности. Многие юристы отмечают, что постулат состязательности о строгом разграничении процессуальных функций зачастую не соблюдается российскими судьями, которые в силу своего менталитета, укоренившихся привычек и консервативного правосознания продолжают «подыгрывать» обвинительной власти, чрезмерно активничают в процессе доказывания и стремятся собственными усилиями подтвердить выдвинутое обвинение, нарушая процессуальный баланс сторон, забывая о своей объективности и беспристрастности, иными словами, по-прежнему склонны к обвинительному уклону. Но можно ли все сводить к «отсталому» правосознанию судей и их консерватизму?

На наш взгляд, основанный помимо прочего на собственном опыте в 1990-е гг. судейский корпус (в целом) весьма позитивно воспринял перемены, связанные с расширением и укреплением в уголовном правосудии состязательных начал и стремится следовать им в своей деятельности. Как говорится, «натерпелись», наработались по старым советским правилам и за себя, и за следователя, и за государственного обвинителя, а нередко и за адвоката. В то же время нельзя отрицать и имеющиеся факты обвинительных устремлений судей, которые тем заметнее и существеннее, чем более весомее, «тяжелее» предъявленное обвинение и чем значимее в общественном мнении (резонанснее) рассматриваемое дело. С чем это связано? Можно назвать несколько факторов, влияющих на «несостязательное» поведение судей. Во-первых, провозглашенный в Конституции РФ принцип разделения властей на деле не получил полного воплощения, степень его реализации в настоящее время не устраняет всех каналов воздействия со стороны вертикали власти на внешне вполне самостоятельную судебную власть, что приводит в определенных случаях к ограничению (по крайней мере точечному) независимости судей и вмешательству в деятельность уголовного суда. Во-вторых, на протяжении последних десяти лет продолжается постепенное бюрократичивание судебной системы и внедрение административных методов управления деятельностью судов, что так же не способствует независимости судей. В-третьих, в последние годы возрастает психологическое давление на уголовный суд со стороны обвинительной власти и общества, традиционно ожидающих от суда содействия в осуществлении карательной политики и во многом по этому критерию оценивающих эффективность судебных органов. В-четвертых, несмотря на многолетнее «реформирование» правоохранительных органов, отсутствуют ощутимые сдвиги в сторону улучшения качества предварительного

¹⁴ См., например: Причины неуспеха предыдущих этапов судебной реформы / Концепция судебной реформы в России (тезисы) – URL : http://sutyajnik.ru/rus/cases/etc/konceptcia_sud_reformi.htm (дата обращения 15.02.2014).

расследования, которое по-прежнему находится на низком уровне и зачастую препятствует всестороннему, полному и правдивому установлению в суде обстоятельств дела. В-пятых, в современном уголовном процессе отсутствует действенный механизм предотвращения и исправления в судебном разбирательстве следственных ошибок и устранения допущенных нарушений. Следует заметить, что одно из главных качеств, которое должно быть органически присуще судье – обостренное чувство справедливости. Несмотря на часто высказываемые скепсис и критику в адрес судей, смеем утверждать, что многие из них этим качеством обладают. Именно чувство попоранной справедливости по многим делам толкает судей (как бы это им не претило) на устранение недостатков досудебного производства и восполнение его пробелов. Судья – ответственен за принимаемое решение, за последствия, которые это решение порождает для предстающих перед ним людей, и поэтому ему психологически нелегко выносить решения, формально законные, но противные его совести в случаях, когда он понимает, что провозглашаемый им результат основан не на объективной картине происшедшего, а является последствием безграмотности и халатности следователя, не способного или не желающего добросовестно выяснить все обстоятельства дела и правильно, в соответствии с законом предъявить обвинение, а кроме того, и попустительством надзирающего прокурора.

В не меньшей степени современное уголовное правосудие критикуется и с другой стороны – в потворстве стороне обвинения, безучастности в познавательном доказывании, неспособности эффективно защитить права потерпевшего и публичный интерес. Подобные обвинения звучат уже в адрес судей, скрупулезно придерживающихся состязательных правил судопроизводства. На этом фоне все чаще раздаются призывы отказаться от состязательности или по крайней мере расширить возможности уголовного суда по установлению истинных обстоятельств дела, усилить его влияние на формирование объективного и юридически грамотного обвинения. Благие цели достижения справедливости уголовного правосудия и повышения эффективности восстановления нарушенных прав предлагается однако достичь сомнительными средствами, создающими угрозу втягивания суда в обвинительную деятельность и утрату им неотъемлемых для справедливого правосудия свойств объективности и беспристрастности.

На данный момент наметилась вполне определенная тенденция наступления на радикальное процессуальное размежевание уголовного суда и обвинительной власти, оформленное

«излишне либеральным» УПК, и перетягивания суда на сторону уголовного преследования, которое началось по двум взаимосвязанным направлениям: 1) расширение оснований возвращения дела прокурору в порядке ст.237 УПК, а точнее, реанимация института дополнительного расследования – атрибута розыскного процесса; и 2) введение института установления «объективной истины» по уголовному делу, предусматривающего обязанность суда по собственной инициативе принимать все необходимые меры к установлению действительных фактических обстоятельств уголовного дела, в том числе восполнять неполноту доказательств.

Шаги в этом направлении предприняты представителем исполнительной власти – Следственным комитетом РФ и, как ни странно, поддержаны Конституционным Судом РФ, «отцом» современной российской концепции состязательности уголовного судопроизводства, которую высокий Суд последовательно развивал и отстаивал на протяжении 1990–2000-х гг. В своих постановлениях от 20 апреля 1999 г. № 7-П и от 14 января 2000 г. № 1-П¹⁵, исходя из смысла конституционного принципа состязательности судопроизводства, запрещающего возлагать на суд обвинительную функцию (теперь этот смысл буквально вписан в содержание данного принципа в ст.15 УПК), Конституционный Суд РФ признал *недопустимым направление судом по собственной инициативе уголовного дела на дополнительное расследование по пунктам 1, 3, 4 ч.1 ст.232 УПК РСФСР, т.е. ввиду 1) неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, которая не может быть восполнена в судебном заседании; 2) наличия оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения, связанного с ранее предъявленным, либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении; 3) наличия оснований для привлечения к уголовной ответственности по*

¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 УПК РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород» // *Собрание законодательства РФ*. – 1999. – № 17. – Ст. 2205 ; Постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда РФ» // *Собрание законодательства РФ*. – 2000. – № 5. – Ст. 611.

данному делу других лиц при невозможности выделить о них материалы дела.

Напомним, что свою позицию Конституционный Суд РФ обосновывал тем, что направление дела на дополнительное расследование по перечисленным основаниям по собственной инициативе судебного органа означает *фактическое выполнение судом не свойственной ему обвинительной функции*, что противоречит Конституции РФ (принципам состязательности, презумпции невиновности, обеспечения права обвиняемого на защиту) и поэтому недопустимо. Данная позиция была понятна, последовательна, логически обоснована, согласована с иными взглядами на содержание принципа состязательности и роль уголовного суда в состязательном судопроизводстве, воспринята законодателем (при принятии в 2001 г. нового УПК) и прочно утвердилась в правоприменительной, в том числе судебной, практике. Однако 2 июля 2013 г. Конституционный Суд РФ изумил юридическое сообщество и озадачил судебные органы, приняв вызвавшее в среде процессуалистов большой резонанс и дискуссию постановление № 16-П¹⁶, в котором изложил диаметрально противоположное мнение.

Конечно, в данном решении Конституционный Суд РФ затронул, на наш взгляд, одну из острейших проблем современного российского уголовного правосудия – проблему необеспеченности существующим порядком судопроизводства истинности и справедливости конечных решений, разрешающих уголовно-правовой спор. Причины этой проблемы видятся следующие: 1) неэффективное предварительное расследование, не нацеленное на установление действительных обстоятельств дела и формулирование точного, фактически обоснованного и юридически грамотного обвинительного тезиса, 2) отсутствие действенного механизма устранения массовых следственных ошибок и злоупотреблений в определении объема обвинения и юридической квалификации содеянного, происходящие по первой причине.

Положения ст. 252 УПК исключают возможность изменения обвинения в судебных стадиях в сторону, ухудшающую положение подсудимого, а институт возвращения дела прокурору (ст. 237 УПК) не позволяет суду инициативно устранять следственные просчеты подобного рода и требовать от органов расследования

расширить и (или) усилить обвинение. Конституционный Суд РФ находит в таком положении ущемление самостоятельности уголовного суда в выборе надлежащей нормы уголовного закона, подлежащей применению, исходя из фактических обстоятельств дела, и не допустимую зависимость суда от ошибочной позиции стороны обвинения, не позволяющую творить справедливое правосудие. В итоге вольно или невольно Конституционный Суд призвал законодателя восстановить институт дополнительного расследования, предоставив суду право по собственной инициативе обращать дело на доследование в целях предъявления более тяжкого обвинения, что ранее (в постановлении от 20 апреля 1999 г.) признавал неприемлемым и противоконституционным.

При этом Конституционный Суд РФ в мотивировочной части постановления пытается перевести недостатки следствия, связанные с неполным или искаженным установлением фактических обстоятельств дела или с ошибочной юридической оценкой собранных фактов, в разряд сугубо формально-процессуальных нарушений, препятствующих рассмотрению и разрешению дела, инициатива устранения которых может исходить от суда¹⁷, однако эти хитроумные рассуждения не меняют сути: судуверяются полномочия по выдвижению, формированию и усилению обвинения, что является прерогативой обвинительной власти. Если вспомнить, что постановление суда имеет для органа расследования обязательное значение (а в противном случае вся процедура лишена всякого смысла), то следует признать, что инициирование усиления обвинения, несет в себе элементы руководства органами уголовного преследования. Кроме того, обоснование необходимости утяжеления обвинения в промежуточном решении суда (любое судебное решение должно быть мотивировано и обосновано фактическими обстоятельствами дела, а в рассматриваемой ситуации – ничем иным как доказательствами виновности) неизбежно сопровождается преждевременными и недопустимыми с позиции презумпции невиновности и все того же принципа независимости судей выводами по фактической стороне дела и юридической квалификации вмененного преступления, а в неочевидных случаях – и оценкой доказательств.

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 28. – Ст. 3881.

¹⁷ Вслед за Конституционным Судом этот прием для обоснования приемлемости инициативы суда в ужесточении обвинения стали использовать и приверженцы незамедлительного внедрения инициатив Суда в правоприменительную практику (См.: Тришева А. А., Решетова Н. Ю. Возвращение судом уголовного дела прокурору: практика и новая позиция КС РФ // Уголовный процесс. – 2013. – № 11. – С. 17.)

Некоторые процессуалисты (В. В. Кальницкий и Т. В. Куряхова) такую опасность явно не дооценивают, полагая, что предрешения выводов по существу обвинения судьи могут избежать с помощью словесной эквилибристики: «суд не должен допускать выражений, свидетельствующих об окончательности его вывода о совершении лицом конкретного преступления». Уважаемые авторы предлагают при этом, как возможный вариант реализации новелл Конституционного Суда РФ, следующую процедуру усиления обвинения: «Суд выносит постановление о возвращении уголовного дела прокурору для целей применения уголовного закона о более тяжком преступлении, где дает правильную с его точки зрения квалификацию содеянного, описывает фактическую сторону деяния, однако в формулировках, лишенных категорических суждений, свойственных окончательным судебным решениям»¹⁸. Но разве предлагаемый алгоритм действий не есть выдвижение нового, более тяжкого обвинения? Никакие ухищрения по «правильному написанию оснований возвращения дела» не изменят сущности судебного постановления, в котором «суд властно указывает на то, что квалификация обвинения не соответствует фактическим обстоятельствам дела, что положение обвиняемого должно быть ухудшено»¹⁹, и данное утверждение (именно утверждение, а не робкие намеки – в противном случае ставится под сомнение обоснованность судебного решения) предшествует окончательному выводу суда.

Несмотря на дискуссионность новой позиции Конституционного Суда РФ и многовариантность решения актуальной проблемы, лежащей в ее основе²⁰, «новые» идеи по наделению суда инициативой в корректировке обвинения в сторону ухудшения положения обвиняемого с завидной оперативностью нашли воплощение в законопроекте № 423622–6 «О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», подготовленном Правительством РФ и внесенном в Государственную Думу 9 ян-

варя 2014 г.²¹. Суть законодательной инициативы заключается в ведении в ч.1 ст.237 УПК нового п.6, согласно которому судья по ходатайству стороны или *по собственной инициативе* возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом, если фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении (акте), свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления, либо если в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, которые указывают на наличие таких оснований. Для сглаживания (или затушевывания) обвинительной составляющей в новом полномочии суда авторы законопроекта предлагают обязать судью указывать обстоятельства, являющиеся основанием для переквалификации обвинения, но запретить указывать норму УК РФ, «по которой деяние подлежит новой квалификации, а также делать выводы об оценке доказательств, о виновности обвиняемого».

Однако и такой вариант мало что меняет по существу, т.к. оставляет в неизменном виде вызывающую принципиальные возражения инициативу суда в усилении обвинения. И.С. Дикарев резонно замечает, что возложение «на суд обязанности контролировать предмет или объем требований стороны обвинения делает его ответственным за результаты той деятельности, которую эта сторона осуществляет», и «оказывая такого рода содействие органам предварительного расследования и государственному обвинению, суд неизбежно становится на сторону обвинения, что разрушает составительную конструкцию судопроизводства»²².

Представляется, что при всей значимости проблемы максимального устранения для суда препятствий в правильном применении материального закона при разрешении уголовного дела и острой необходимости поиска законодательных путей ее решения, с чем нельзя не согласиться, решать данный вопрос путем порождения другой, не менее глобальной проблемы разбалансировки всей сложившейся на сегодняшний день системы правосудия по меньшей мере не продуктивно.

¹⁸ Кальницкий В.В., Куряхова Т.В. Существо и порядок реализации позиции Конституционного Суда РФ по вопросу о возвращении дела прокурору для усиления обвинения – URL : <http://www.iauaj.net/node/1409> (дата обращения: 20.01.2014).

¹⁹ Ковтун Н.Н. Суды fema // Уголовный процесс. – 2013. – № 11. – С. 24.

²⁰ См. об этом: Кальницкий В.В., Куряхова Т.В. Существо и порядок реализации позиции Конституционного Суда РФ по вопросу о возвращении дела прокурору для усиления обвинения ; Никонов М.А. Переквалификация in devaforem // Уголовный процесс. – 2013. – № 11. – С. 42–49 ; Муравьев К.В. Суд как орган, исправляющий ошибки в применении закона // Там же. – С. 50–55.

²¹ Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности [сайт]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=423622-6> (дата обращения 22.02.2014).

²² Дикарев И. С. Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. – 2013. – № 3. – С. 98–103.

Другой законопроект № 440058-6 «О внесении изменений в УПК РФ в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу», внесенный в Государственную Думу 29 января 2014 г депутатом А.А. Ремезковым²³, в случае его принятия чреват еще большим сползанием уголовного суда в обвинительный уклон. На первый взгляд положения законопроекта об истине как цели уголовно-процессуального доказывания и о всесторонности, полноте и объективности предварительного расследования и судебного следствия нацелены (так же как и предложенные изменения в ст.237 УПК) на повышение самостоятельности и независимости суда в принятии окончательного решения, а также на обеспечение справедливого, основанного на истинном знании правосудия, что само по себе очень привлекательно и заслуживало бы полной поддержки, если бы не мрачный опыт применения подобных предписаний в недавнем прошлом, не позволяющий относиться с оптимизмом к предлагаемым «новшествам».

На деле судебская обязанность «принять все предусмотренные УПК меры к всестороннему, полному и объективному выяснению обстоятельств, подлежащих доказыванию для установления объективной истины по уголовному делу (действительных фактических обстоятельств уголовного дела)», принуждает суд восполнять в судебном следствии пробелы предварительного расследования в любом случае, независимо от позиции сторон (и вне зависимости от пределов судебного разбирательства?), перекладывает ответственность в доказывании факта преступления и виновности обвиняемого с органов уголовного преследования на суд и предоставляет стороне обвинения дополнительный козырь для обжалования и отмены неугодного (читай – расходящегося с позицией обвинения) приговора (односторонность или неполнота судебного следствия предложена в качестве «нового» основания отмены или изменения судебных решений). Наиболее явно действительная подоплека познавательных обязанностей суда проявляется в предлагаемой редакции ст.252 УПК, в которой суду предписывается по ходатайству стороны или по собственной инициативе восполнять неполноту доказательств в той мере, в какой это возможно в ходе судебного разбирательства, а при отсутствии такой возможности – возвращать дело прокурору. Спрашивается, о какой неполноте и каких доказательствах идет речь? Доказательствах

невиновности обвиняемого или его меньшей, чем очерчено в формулировке обвинения, виновности? Но это не требуется доказывать – невиновность презюмируется. Следовательно, речь идет о неполноте обвинительных доказательств!

Именно так обстояло дело во времена советского уголовного процесса, когда пресловутая ст.20 УПК РСФСР требовала от суда принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства и препятствовала суду выносить оправдательные приговоры по основанию недоказанности выдвинутого обвинения, поскольку заставляла орган правосудия самостоятельно выискивать аргументы в подтверждение обвинительного тезиса, нередко при полной пассивности государственного обвинителя, а иногда даже и в его отсутствие в судебном процессе. Немногочисленные оправдательные приговоры в подавляющем большинстве отменялись вышестоящим судом именно по мотиву «односторонности и неполноты судебного следствия» со ссылкой на нарушение судом ст.20 УПК РСФСР. Неужели история нас ничему не учит?

Позволим себе усомниться в том, что в результате реализации предложенных новелл уголовный суд приобретет большую независимость, объективность и беспристрастность (скорее наоборот) и сможет лучшим образом обеспечить справедливость уголовного правосудия. Своевременным представляется напоминание А. С. Александрова и М. В. Лапатникова о том, что «справедливость самой процедуры (состязательной) судопроизводства и составляет главную составляющую справедливого – правомерного судебного решения», а «несправедливыми средствами нельзя добиться справедливости»²⁴. Полагаем, что в уголовном судопроизводстве наступает «момент истины», момент выбора пути дальнейшего развития уголовного правосудия: останется ли оно состязательным и будет совершенствоваться в этом направлении или окончательно вернется к розыскным (не хотелось бы думать, что к инквизиционным) началам со всеми их недостатками, от которых мечтали и пытались избавиться двадцать лет назад.

И. С. Дикарев предсказывает в ближайшее время «системный кризис уголовного судопроизводства, обусловленный несовместимостью

²³ Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности [сайт]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=440058-6&02> (дата обращения 22.02.2014).

²⁴ Александров А.С., Лапатников М.В. Суд на осуд, а не на россуд // Уголовное судопроизводство. – 2–13. – № 4. – С. 6–12.

полномочий суда по собственной инициативе возвращать прокурору уголовные дела для изменения квалификации деяния обвиняемого в худшую сторону с общей состязательной конструкцией процесса»²⁵. Сторонники вышеизложенной позиции Конституционного Суда РФ также считают, что она (эта позиция) «настолько принципиально изменяет основанные на нормах УПК РФ представления о компетенции суда в состязательном судопроизводстве, его взаимоотношения со сторонами, что Кодекс в этой части должен быть написан заново»²⁶.

Как видно из проведенного исследования, вопрос соотношения и разделения в уголов-

ном процессе обвинительной и судебной властей носит концептуальный характер и обостряется каждый раз на переломе эпох, когда формируется вектор дальнейшего общественного развития и выбирается форма уголовного судопроизводства. От решения этого вопроса в немалой степени зависит, каким быть российскому уголовному суду: подлинно независимым, объективным и беспристрастным органом правосудия, не перегруженным интересами публичной власти, или «спянным одной цепью» с органами уголовного преследования и тянущим с ними общий воз борьбы с преступностью.

Библиография

1. Александров А.С., Лапатников М.В. Суд на осуд, а не на россуд // Уголовное судопроизводство. – 2–13. – № 4. – С. 6–12.
2. Гессен И. В. Судебная реформа. – СПб.: Книгоиздательство П. П. Гершунина и К°, 1905. – 267 с.
3. Джаншиев Г. А. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда). Историко-юридические этюды. – М.: Типография М. П. Щепкина, 1891. – 364 с.
4. Дикарев И.С. Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. – 2013. – № 3. – С. 98–103.
5. Духовской М. В. Русский уголовный процесс. – М.: Склад издания в книжном складе М. В. Ключкина, 1910. – 448 с.
6. Кальницкий В.В., Куряхова Т.В. Существо и порядок реализации позиции Конституционного Суда РФ по вопросу о возвращении дела прокурору для усиления обвинения-URL : <http://www.iuaj.net/node/1409> (дата обращения: 20.01.2014).
7. Ковтун Н.Н. Суды fema // Уголовный процесс. – 2013. – № 11.
8. Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы: В 6 т. Т. III. – М.: Мысль, 2003. – 829 с.
9. Михайловский И. В. Основные принципы организации уголовного суда: Уголовно-политическое исследование. – Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1905. – 336 с.
10. Никонов М.А. Переквалификация in devaforem // Уголовный процесс. – 2013. – № 11. – С. 42–49.
11. Муравьев К.В. Суд как орган, исправляющий ошибки в применении закона // Уголовный процесс. – 2013. – № 11. – С. 50–55.
12. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. – Петроград: Издание Юридического книжного склада «ПРАВО», 1916. – 598 с.
13. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т.8. Судебная реформа / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1991. – 496 с.
14. Савицкий В. М. Уголовный процесс России на новом витке демократизации // Государство и право. – 1994. – № 6. – С. 96–107.
15. Стецовский Ю. И. Судебная власть : учебное пособие. М., 1999. 400 с.
16. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть первая. – СПб.: Издание Государственной Канцелярии, 1866. – 690 с.
17. Тришева А.А. и Решетова Н.Ю. «Возращение судом уголовного дела прокурору: практика и новая позиция КС РФ» // Уголовный процесс. – 2013. – № 11. – С. 10–19.

References

1. Aleksandrov A.S., Lapatnikov M.V. Sud na osud, a ne na rossud // Uголовное судопроизводство. – 2–13. – № 4. – С. 6–12.

²⁵ Дикарев И.С. Указ. соч.

²⁶ Кальницкий В.В., Куряхова Т.В. Существо и порядок реализации позиции Конституционного Суда РФ по вопросу о возвращении дела прокурору для усиления обвинения.

2. Gessen I. V. Sudebnaya reforma. – SPb.: Knigoizdatel'stvo P. P. Gershunina i K^o, 1905. – 267 s.
3. Dzhanshiev G. A. Osnovy sudebnoi reformy (k 25-letiyu novogo suda). Istoriko-yuridicheskie etyudy. – M.: Tipografiya M. P. Shchepkina, 1891. – 364 s.
4. Dikarev I.S. Ugolovnyi protsess: «tikhaya revolyutsiya» smenilas' reaksiei // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 5, Yurisprudentsiya. – 2013. – № 3. – S. 98–103.
5. Dukhovskoi M. V. Russkii ugolovnyi protsess. – M.: Sklad izdaniya v knizhnom sklade M. V. Klyukina, 1910. – 448 s.
6. Kal'nitskii V.V., Kuryakhova T.V. Sushchestvo i poryadok realizatsii pozitsii Konstitutsionnogo Suda RF po voprosu o vozvrashchenii dela prokuroru dlya usileniya obvineniya-URL : <http://www.iuaj.net/node/1409> (data obrashcheniya: 20.01.2014).
7. Kovtun N.N. Sudy fema // Ugolovnyi protsess. – 2013. – № 11.
8. Kutafin O. E., Lebedev V. M., Semigin G.Yu. Sudebnaya vlast' v Rossii: istoriya, dokumenty : V 6 t. T. III. – M.: Mysl', 2003. – 829 s.
9. Mikhailovskii I. V. Osnovnye printsipy organizatsii ugolovnogo suda: Ugolovno-politicheskoe issledovanie. – Tomsk: Parovaya tipo-litografiya P. I. Makushina, 1905. – 336 s.
10. Nikonov M.A. Perekvalifikatsiya in devaforem // Ugolovnyi protsess. – 2013. – № 11. – S. 42–49.
11. Murav'ev K.V. Sud kak organ, ispravlyayushchii oshibki v primenении zakona // Ugolovnyi protsess. – 2013. – № 11. – S. 50–55.
12. Rozin N. N. Ugolovnoe sudoproizvodstvo. Posobie k lektsiyam. – Petrograd: Izdanie Yuridicheskogo knizhnogo sklada «PRAVO», 1916. – 598 s.
13. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X-XX vv : v 9 t. T.8. Sudebnaya reforma / pod obshch. red. O. I. Chistyakova. – M.: Yurid. lit., 1991. – 496 s.
14. Savitskii V. M. Ugolovnyi protsess Rossii na novom vitke demokratizatsii // Gosudarstvo i pravo. – 1994. – № 6. – S. 96–107.
15. Stetsovskii Yu. I. Sudebnaya vlast' : uchebnoe posobie. M., 1999. 400 s.
16. Sudebnye Ustavy 20 noyabrya 1864 goda s izlozheniem rassuzhdenii, na koikh oni osnovany. Chast' pervaya. – SPb.: Izdanie Gosudarstvennoi Kantselyarii, 1866. – 690 s.
17. Trisheva A.A. i Reshetova N.Yu. «Vozrashchenie sudom ugolovnogo dela prokuroru: praktika i novaya pozitsiya KS RF» // Ugolovnyi protsess. – 2013. – № 11. – S. 10–19.

Материал поступил в редакцию 4 марта 2014 г.